

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Кругликова Сергея Тимофеевича на тему: «Темпоральные формы субъективности», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 –
Онтология и теория познания

Диссертационное исследование Кругликова С.Т. оставляет двойственное впечатление. Например, сразу же бросается в глаза отсутствие в библиографии зарубежных, не переведенных на русский язык работ по теме диссертации. Между тем аналитика темпоральности представляет собой довольно обширное и разностороннее направление современных гуманитарных исследований. Так, в частности, вышедшая еще в 1971 г. книга Ч.М. Шероувера «Кант, Хайдеггер и время» (тематически совпадающая с исследованием Кругликова С.Т.) дает достаточно точное представление о том, насколько полно предмет, интересующий диссертанта, был раскрыт еще полвека назад. За прошедшее время количество исследований, посвященных аналитике темпоральности, в том числе и темпоральности субъекта, не только многократно возросло, но и распространилось из сферы онтологии в такие прикладные области, как теория нарратива (М.Курри. О времени. Нарратив, вымысел и философия времени.), или даже теория антропогенеза (Р.Ирвинг. Антропология глубинного времени).

Судя по всему, весь этот весомый пласт литературы остается диссертанту неизвестным, и поэтому он не может адекватно определить актуальность своего исследования, установить место и роль своей работы в рамках интеллектуального течения, которое и во времена М.Хайдеггера и сейчас называется аналитикой темпоральности. У читателя диссертации Кругликова С.Т. может сложиться впечатление, что после Хайдеггера появились только две книги, раскрывающие данный вопрос, - «Онтология времени» А.Г.Чернякова и «Феномен пространства и происхождение времени» В.Молчанова. Но это совершенно не соответствует реальному положению дел.

Это же незнание традиции, в контексте которой диссертант пытается сформулировать нечто новое, приводит к очевидной тривиальности формулируемых им исследовательских задач (« исследование генезиса понятия времени, реставрация, описание и анализ отношений субъекта в метафизическом смысле к представлениям и понятиям о времени, анализ структуры отношений «субъект-время», демонстрация различных форм темпоральности, конституируемых субъектом, анализ возможности определения временем – субъекта», с. 6-7 диссертации). Все эти задачи в аналитике темпоральности давно уже успешно решены. Ведь если, как далее верно констатирует автор, «присутствие или Dasein выражается только в качестве темпоральности этого

присутствия и, в предельном смысле, оно и есть сама темпоральность» (с. 9), то возможность определения времени субъектом, или субъекта временем оказывается реализованной уже в «Бытии и времени».

Вероятно с «философской ксенофобией» автора связаны и встречающиеся в его работе снисходительные оценки авторов, к которым он обращается. Так, «Юнгер очень точно угадывает...» (с. 125), Эвола «...неоднозначный мыслитель... вычитывает ...метафизический момент...» (с.124), а Агамбен «...очень чутко различает...» (с. 27). Едва ли Кругликову С.Т. может быть известно, что именно чувствовал и что именно угадывал тот или иной автор, так как даже личного знакомства явно недостаточно для вынесения суждений такого рода. Можно только посоветовать автору в дальнейшем обходить стороной эту принципиально неverified область переживаний и догадок, подвергнуть их радикальному ἐπιτομή и обращаться только к текстам.

Это замечание может показаться второстепенным, однако, историко-философские экскурсы автора, почти всегда излишне краткие, а потому часто поверхностные, приводят к серьезным ошибкам. Так, на с. 8 автор утверждает, что из психологической трактовки времени, характерной для английского эмпиризма, напрямую выводится трансцендентальная трактовка времени, в частности, трактовка Канта. Это чрезмерно смелое (и абсолютно ошибочное) утверждение, так как для историков философии является азбучной истиной, что трансцендентализм Канта возникает как оппозиция эмпиризму и психологизму, да и в самом тексте первой Критики это показано более, чем убедительно. Эта ошибка не является случайностью в рассуждениях автора, так как далее он утверждает: «кантианское определение времени как формы чувственности универсально отражает способ его восприятия» (с. 17-18), т.е., опять-таки априорная форма времени определяется эмпирически и психологически, что полностью противоречит и духу и букве трансцендентальной эстетики Канта, не говоря уже о марксистском варваризме «отражает», который самим Кантом, вероятно, был бы воспринят как бессмыслица.

Отечественная философская традиция плохого прочтения Канта начинается еще с Вл.Соловьева, как и традиция зачислять Канта в ряды своих союзников. Не изменяет этой традиции и диссертант. Согласно его схеме время как априорная форма чувственности характерна у Канта только для чистого разума, тогда как «...вторая Критика приносит второе время. Время практического разума, разума по преимуществу, настраивается категорическим императивом, бессмертием души, стремлением к святости и, в конце концов, необходимым существованием Бога» (с. 79). Если время как априорная форма подчиняет себе вещи-в-себе(?), то постулируемое во второй Критике бессмертие души «снимает» эту подчиненность и порождает некую иную темпоральность. Время перестает быть подвижным образом вечности, наоборот, вечность становится предикатом времени.

Несложно догадаться, что у самого Канта нет ничего подобного, у него все одновременно и сложнее и проще: «Чтобы устранить кажущееся противоречие

между механизмом природы и свободы в одном и том же поступке в приведенном случае, надо вспомнить то, что было сказано в «Критике чистого разума» или что вытекает оттуда: естественная необходимость, несовместимая со свободой субъекта, присуща лишь определениям той вещи, которая подчинена условиям времени, стало быть, лишь определениям действующего субъекта как явления, следовательно, поскольку определяющие основания каждого его поступка лежат в том, что относится к прошедшему времени и уже не в его власти (сюда надо отнести его совершенные уже поступки и определимый этим характер в его собственных глазах как феномена). Но тот же субъект, который, с другой стороны, сознает себя также как вещь саму по себе, рассматривает свое существование, поскольку оно не подчинено условиям времени, а себя самого как существо, определяемое только законом, который оно дает самому себе разумом; и в этом его существовании для него нет ничего предшествующего определению его воли, а каждый поступок и вообще каждое сменяющееся сообразно с внутренним чувством определение его существования, даже весь последовательный ряд его существования как принадлежащего к чувственно воспринимаемому миру существа следует рассматривать в сознании его интеллигибельного существования только как следствие, но отнюдь не как определяющее основание причинности его как *ноумена*.» (И.Кант. Собрание сочинений в 8 томах, том 4, с. 490-491). Эта длинная цитата может рассматриваться как ответ самого Канта на теорию «второй темпоральности» и этического субъекта у автора диссертации.

Следует признаться, что рецензент и не надеялся увидеть диссертационное исследование, полностью лишенное недостатков. Тем более, если речь идет о такой сложной и во многих отношениях неудобной теме, как аналитика темпоральности. Поэтому необходимо констатировать, что, несмотря на указанные ошибки, диссертация Кругликова С.Т. написана на таком научно-теоретическом и методологическом уровне, который значительно превосходит средний уровень диссертационных исследований по философским наукам. Особо следует отметить такие сильные стороны исследования Кругликова С.Т., как изложенную в 1 главе концепцию «мессианского времени» (хотя работу Дж.Агамбена «Что современно», где эта концепция изложена наиболее полно, автор не упоминает), довольно оригинальную трактовку некоторых текстов С.Кьеркегора, экспликацию некоторых положений теории времени как характеристики производственного процесса (наиболее убедительно сформулированных Г.Лукачем в его книге «История и классовое сознание»), а также попытку включить в аналитику времени антропологическую теорию жертвоприношения. Хотя в последнем случае следует сказать, что вывод автора «...понятия и метафоры времени имеют антропологический, ритуальный генезис, исходя из которого мы утверждаем, что изначально время – это функция власти, т.е. процесс легитимации субъекта-правителя» (с. 13) остался недостаточно обоснованным, что, впрочем, не исключает того, что сам такой вывод является достоверным и эвристически ценным.

Что окончательно склоняет рецензента в сторону положительной оценки диссертации Кругликова С.Т., - так это обращение к поэтической теории времени Велимира Хлебникова. Не без оснований автор видит в мистической историософии

Хлебникова гипертрофированное, доходящее до гротеска, завершение той работы, «что была проделана всей философией Нового времени» (с. 44). Это завершение картезианского проекта, который «окончательно переводит субъективность из сферы трансцендентного – в сферу внутримирного». (с. 44). «Авангард Хлебникова – арьергард сражения за время, бесповоротно проигранного всеми, кто поставил не на Абсолют, уравнивающий каждого в частности, а на самого индивида.» Речь идет «о заведомо гибельном предприятии – построении философии малого субъекта, индивида, решившего, или же просто продолжающего по инерции полагать, что он является господином собственного времени» (с. 49). Мистический закон времени Хлебникова – это некий универсальный закон, аналогичный тому, что иронично называют «теорией всего». «Если существуют чистые законы времени, то они должны управлять всем, что протекает во времени, безразлично, будет ли это душа Гоголя, "Евгений Онегин" Пушкина, светила солнечного мира, сдвиги земной коры и сдвиги смена царства змей царством людей...» (Хлебников В. Слово о числе и наоборот) В своих стихах он называет себя «королем времени». Среди поклонников Хлебникова, в том числе и наши современники, встречается мнение, что только ранняя смерть не позволила Хлебникову выполнить его миссию и найти ритм войн, устранить войну как таковую, собрать вместе 317 Председателей Земного Шара, создать свое «королевство времени» и т.д. Высказывается и противоположное мнение, что именно сталинский тоталитаризм можно рассматривать как воплощение замыслов Хлебникова и многих других авангардистов начала XX столетия. Как бы то ни было, нумерология Хлебникова действительно является одной из самых ярких иллюстраций тех характерных для новоевропейской философии изменений статуса субъекта, которые вели и к изменениям представлений о природе времени.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод:

Диссертация Кругликова Сергея Тимофеевича на тему: «Темпоральные формы субъективности» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кругликов Сергей Тимофеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук

Профессор кафедры

философской антропологии

Быстров В.Ю.

17 мая 2021